

Погрузившись в мягкое кресло и держа в руках эту книгу, вы, возможно, подумаете: а вдруг чтение развлечет меня? Тем не менее, прочитав эту грустную историю, вы, без сомнения, с аппетитом отобедаете, а свою бесчувственность спишете на автора, обвинив того в чудовищных преувеличениях и приступах необузданной фантазии. Но уверяю вас: настоящая трагедия — не вымысел. Здесь все — чистая правда.

Оноре де Бальзак. «Отец Горио»

Пролог

1975 ГОД

Переполненный под завязку утренний экспресс замедлил ход, а потом неожиданно с силой дернулся, словно задумал вернуть себе прежнюю скорость. Из-за его обманного движения пассажиры не устояли на ногах. Выступ из облепивших подножки людей раздулся, как готовый лопнуть пузырь на кипящем супе.

Манек Кохлах держался за поручень, и потому не упал. Чей-то локоть выбил у него из рук учебники. Рядом худощавый юноша повалился на сидящего напротив него мужчину. Сверху на них упали книги.

Толстый том стукнул юношу по спине.

— Ух! — вырвалось у него.

Юноша и мужчина — его дядя — со смехом возились, пытаясь освободиться друг от друга. Ишвар Даржи — человек с изуродованной левой щекой — помог племяннику сесть.

— Ты в порядке, Ом?

— Все хорошо, если не считать моей бедной спины, — ответил Омпракаш Даржи, поднимая две книги в оберточной бумаге. Прикинув на руках их вес, он огляделся, ища владельца.

Манек поспешил признаться, что книги его. От мысли, что тяжелые учебники обрушились на хрупкую спину юноши, ему стало не по себе. Припомнился вдруг воробушек, которого он в детстве зашиб кам-

6 нем; позже, каждый раз, когда он вспоминал этот случай, его начинало тошнить.

Манек стал горячо извиняться:

— Простите, книги выскользнули и...

— Ничего страшного, — успокоил его Ишвар. — Твоей вины тут нет. — И прибавил, обращаясь к племяннику: — Хорошо, что так вышло. Грохнись я на тебя, ты бы точно костей не собрал. — Они снова рассмеялись. К ним из вежливости присоединился и Манек.

Ишвар Даржи не был тучным мужчиной; поводом для шуток был только контраст между ним и костлявым Омпракашем. Они постоянно беззлобно подшучивали друг над другом. За ужином Ишвар всегда накладывал племяннику порцию побольше, а зайдя в придорожную дхабу*, выжидал, когда тот пойдет помыть руки или в уборную, и тогда быстро перекладывал часть своей еды на тарелку племянника.

Если Омпракаш возражал, Ишвар говорил: «Что скажут, когда мы вернемся в деревню? Что я морил племянника в городе голодом, а сам ел за двоих? Ешь, давай! Чтобы спасти мою честь, ты должен нарастить жирок!»

— Не бери в голову, — отшучивался Омпракаш. — Если твоя честь равна хотя бы половине твоего веса, ее надолго хватит.

Однако телосложение Омпракаша сопротивлялось настойчивым усилиям дяди, и племянник по-прежнему оставался худым, как спичка. Да и деньги упорно не шли в руки, так что триумфальное возвращение в деревню пока оставалось для них несбыточной мечтой.

Направлявшийся на юг экспресс снова замедлил ход, а потом со свистом и лязгом остановился. Не-

* Д х а б а — дешевая закусочная в Индии, где обычно подают комплексные обеды.

которое время еще слышался свистящий звук 7
пневмотормозов, но вскоре затих и он.

Омпракаш глянул в окно, чтобы понять, где они находятся. По другую сторону железнодорожного заграждения стояли убогие хижины, вдоль по канавке стекали нечистоты. Дети играли с палками и камнями. Щенок с лаем носился рядом, надеясь, что и его примут в игру. Голый до пояса мужчина доил корову. Таковую картину можно увидеть где угодно.

До поезда донесся едкий запах горящего кизяка. Впереди, на пересечении железнодорожного пути и шоссе, собралась толпа. Несколько мужчин спрыгнули с поезда и пошли по шпалам.

— Надеюсь, мы доберемся вовремя, — сказал Омпракаш. — Если кто-то придет раньше, нам — конец.

Манек Кохлах поинтересовался, далеко ли им ехать. Ишвар назвал станцию.

— Мне туда же, — сказал Манек, поглаживая жидкие усики.

В надежде увидеть циферблат, Ишвар обвел взглядом череду запястий, тянувшихся к поручням.

— Простите, сколько времени? — обратился он к одному из мужчин.

Тот элегантно жестом отдернул манжету и показал часы. Было без четверти девять.

— Ну, давай же, двигай! — сказал Омпракаш, похлопывая по сиденью.

— Волы у нас в деревне послушнее будут, — заметил дядя, и Манек рассмеялся. Так оно и есть, заверил его Ишвар: он помнит с детства, что их деревня ни разу не уступила призовое место в праздничных состязаниях воловьих упряжек.

— От опиума и поезд понесся бы не хуже волов, — сказал Омпракаш.

Продавец расчесок и украшений для волос с трудом прокладывал путь между людьми, брэнча пласти-

8 ковыми зубьями большого гребня. Потревоженные пассажиры сердито ворчали.

— Эй! — окликнул продавца Ом.

— Обручи для волос, надежные, пластиковые зажимы в виде цветка или бабочки, разноцветные гребни, прочные. — Голос продавца звучал монотонно и безучастно — он сомневался, что его позвали не зря и это не розыгрыш, а покупатель действительно настоящий. — Гребни большие и маленькие — розовые, оранжевые, красные, зеленые, синие и желтые, — и все не ломкие.

Омпракаш перепробовал несколько расчесок и наконец выбрал красную — карманного размера. Порывшись в карманах брюк, он вытащил монету. Пока продавец искал сдачу, ему приходилось терпеть со всех сторон враждебные толчки и тычки. Рукавом он обтер отвергнутые гребешки и положил в сумку, оставив в руках только большой гребень с двумя зубьями, и возобновил свое брнчание.

— А куда делась твоя желтая расческа? — спросил Ишвар.

— Разломилась пополам.

— С чего бы?

— Она лежала в заднем кармане. Я сел на нее.

— Плохое место для расчески. Она все-таки для головы, Ом, а не для задницы. — Ишвар обычно звал племянника Омом, называя Омпракашем только когда сердился.

— Будь это *твоя* задница, от расчески ничего бы не осталось, — парировал племянник, вызвав у Ишвара приступ смеха. Изуродованная щека нисколько не мешала этому смеху; застыв, словно на якоре, она позволяла улыбкам вволю журчать и струиться.

Он дружески пощекотал Омпракаша под подбородком. Разница в возрасте — сорок шесть и семнадцать — обычно давала неправильное представление об их действительных отношениях.

— Улыбнись, Ом. Надутые губы никак не вяжутся с прической героя. — Ишвар подмигнул Манеку, как бы приглашая того принять участие в шутовой беседе. — Этот завиток сведет с ума не одну девушку. Да ты не волнуйся, Ом. Выберу тебе девушку что надо. Большую и сильную, чтобы тела на двоих хватило.

Омпракаш заулыбался и провел расческой по волосам, как бы прихорашиваясь. Поезд по-прежнему не двигался с места. Вышедшие на разведку мужчины вернулись с известием, что на путях впереди опять нашли труп. Манек незаметно придвинулся к двери, чтобы лучше слышать. «Легкий способ уйти из жизни, — подумал он, — при условии, что поезд сбивает прямо в лоб».

— Может, это связано с чрезвычайным положением? — предположил кто-то.

— С чем-чем?

— Так сегодня утром премьер-министр произнесла по радио речь. Вроде стране угрожает внутренний враг.

— Очередная правительственная тамаша*.

— Зачем самоубийцы выбирают смерть на рельсах? — проворчал кто-то. — Никто не думает о людях вроде нас. Убийства, самоубийства, теракты наксалитов**, смерти в полицейских участках — все приводит к задержке поездов. Почему бы не выбрать яд, нож или не прыгнуть с высоты?

Наконец долгожданный грохот пробежал по вагонам — поезд разминал длинную стальную спину.

* Тамаша — индийское песенное (часто юмористическое) представление.

** Наксалиты — участники вооруженных революционных группировок, поддерживающих маоизм. В Индии приравнены к террористам.

10 Облегчение проступило на лицах пассажиров.

Когда поезд дошел до развилки, все вытянули шеи, пытаясь увидеть, что задержало состав. Трое полицейских стояли рядом с небрежно покрытым телом, дожидаясь его отправки в морг. Некоторые пассажиры коснулись рукой лба или, сложив ладони, прошептали: «О, Рама, Рама».

Манек Кохлах вышел из поезда следом за дядей и племянником, и они вместе покинули перрон. «Извините, — сказал он, извлекая из кармана письмо. — Я первый раз в этом городе, не скажете ли вы, как мне добраться вот сюда?»

— Ты не тех людей спрашиваешь, — сказал Ишвар, не взглянув на письмо. — Мы тоже здесь впервые.

Но Омпракаш, приглядевшись, воскликнул:

— Взгляни, та же фамилия!

Ишвар вытащил из кармана клочок бумаги и сравнил адреса. Племянник оказался прав: и тут и там было написано одно и то же: Дина Далал, и ниже — адрес.

Омпракаш с неожиданной неприязнью оглядел Манека.

— Зачем тебе Дина Далал? Ты что, портной?

— Портной? Вовсе нет. Она подруга моей матери.

Ишвар похлопал племянника по плечу.

— Не впадай раньше времени в панику. Пойдем искать это место.

Манек не понимал сути разговора. Только когда они вышли из вокзала, Ишвар объяснил ему, в чем дело.

— Видишь ли, мы с Омом портные. А у Дины Далал есть работа как раз для двух портных. Вот мы и хотим предложить свои услуги.

— И вы решили, что я перейду вам дорогу, — улыбнулся Манек. — Не беспокойтесь. Я просто студент. Дина Далал училась в одной школе с моей мамой.

И она разрешила несколько месяцев пожить у нее. 11

Они спросили дорогу у торговца пана* и пошли по указанной им улице. У Омпракаша все еще оставались подозрения.

— Если ты собираешься жить у нее несколько месяцев, тогда где твой чемодан, где твои вещи? У тебя что, ничего нет, кроме двух книжек?

— Сегодня я всего лишь познакомлюсь с ней. А вещи из университетского общежития перевезу в следующем месяце. — Они обогнали нищего. Тот неуклюже передвигался на деревянной платформе на колесиках — она приподнимала его на четыре дюйма над землей. На руках у нищего отсутствовали пальцы, а ноги были ампутированы почти до ягодиц. «*O Babu, ek paisa day-ray!* — тянул он, потряхивая консервной банкой в забинтованных культях. — *O babu! Hai Babu! Aray babu, ek paisa day-ray!*»**

— За все время, что живу в городе, еще не встречал такого жалкого нищего, — сказал Ишвар, и все с ним согласились. Омпракаш опустил в банку монету.

Они перешли на противоположную сторону и снова спросили дорогу.

— Я живу здесь уже два месяца, — сказал Манек, — но город такой большой и запутанный, что я знаю только несколько больших улиц. А те, что поменьше, все на одно лицо.

— Мы в городе уже полгода, и у нас та же проблема. Поначалу у нас прямо крыша поехала. Первое время никак не могли сесть на поезд — пропускали два или три состава, прежде чем научились протискиваться внутрь.

* П а н — жевательная смесь, в которую входят орехи и листья бетелевой пальмы.

** О, господин! Подайте денежку!.. О, господин! (*хинди*)

12 Манек признался, что ему здесь все ненавистно. Ждет не дожидется, когда закончит обучение и вернется домой, в горы.

— Мы тоже приехали ненадолго, — сказал Ишвар. — Вот заработаем немного денег и уедем в свою деревню. Что хорошего в таком большом городе? Шум, толпы людей, жить негде, с водой проблемы, повсюду мусор. Просто кошмар.

— Наша деревня отсюда далеко, — уточнил Омпракаш. — Надо ехать на поезде целый день — только утром доберешься.

— Доберемся, обязательно доберемся, — уверенно произнес Ишвар. — Нет ничего лучше родного дома.

— А я родом с севера, — сказал Манек. — Туда ехать сутки и еще день. Из окна нашего дома видны снежные вершины гор.

— Рядом с нашей деревней течет речка, — продолжал Ишвар. — Слышно, как журчит вода, и видно, как сверкает она на солнце. Там очень красиво.

Некоторое время они шли молча, охваченные мыслями о доме. Нарушил молчание Омпракаш, указав на ларек, где продавали арбузный шербет.

— Неплохо выпить чего-нибудь холодненького в такую жару.

— Хорошая мысль, — сказал Манек. — И выглядит он замечательно.

— Нам не надо, — быстро осадил племянника Ишвар. — Мы утром плотно позавтракали.

Выражение лица Омпракаша тут же изменилось.

— Ну, как хотите, — недоверчиво произнес Манек, заказывая себе большой стакан и поглядывая на портных. Те отвели глаза в сторону, стараясь не глядеть на вожденный кувшин и запотевший стакан. Какие у них усталые лица, какая бедная одежда, изношенные сандалии!

Манек выпил половину стакана и сказал: 13

«Я напился. Хотите теперь вы?»

Портные отрицательно замотали головами.

— Смотрите. Пропадет зря.

— Раз так, тогда давай, — согласился Омпракаш и взял стакан. Сделав большой глоток, он передал шербет дяде.

Ишвар осушил стакан и вернул его продавцу.

— Как вкусно! — сказал он, радостно улыбаясь. — Очень любезно с вашей стороны угостить нас. Нам очень понравилось, спасибо. — Неодобрительный взгляд племянника заставил его замолчать.

«Столько благодарности за глоток шербета, — подумал Манек, — как изголодались эти бедняги по обычной доброте!»

Латунная табличка с позеленевшими от времени буквами на двери веранды гласила: Мистер и миссис Рустам К. Далал. Открыла дверь сама Дина Далал. На клочке мятой бумаги она разглядела надпись, сделанную собственной рукой.

— Вы портные?

— Да, — сказал Ишвар, вежливо кланяясь. По приглашению хозяйки все трое вошли на веранду и стояли, ощущая неловкость.

Веранда, задуманная как открытая галерея, была позже перестроена и стала отдельной комнатой еще в то время, когда покойный муж Дины Далал был ребенком. Родители решили сделать ее детской, чтобы как-то увеличить площадь маленькой квартирki. Открытые места заложили кирпичом, оставив просвет для зарешеченного окна.

— Но я приглашала только двух портных, — сказала Дина Далал.

— Простите, я не портной. Мое имя — Манек Кохлах. — И Манек выступил из-за спин Ишвара и Омпракаша.

14 — Ах, так ты Манек! Добро пожаловать! Извини, что не признала. Я уже сто лет не видела твою маму, а тебя — и вовсе никогда.

Она пригласила Манека в гостиную, оставив портных на террасе.

— Подожди меня здесь, пока я разберусь с теми двумя.

— Конечно.

Манек осмотрелся. Мебель в комнате старая: разбитый диван, два стула с потертыми сиденьями, весь в царапинах и щербинках чайный столик, обеденный стол, покрытый выцветшей и потрескавшейся скатертью из искусственной кожи. «Хозяйка вряд ли живет здесь сама, — решил Манек, — наверное, просто сдаст квартиру». Краска на стенах облезла. Некоторые места, где отвалилась штукатурка, напомнили Манеку, как он, рассматривая облака, любил угадывать в их очертаниях животных и пейзажи. Здесь ему тоже привиделись картинки. Вот собака подняла лапу. Резко пикирует ястреб. Мужчина с палкой карабкается в гору.

На веранде Дина Далал пригладила рукой свои черные, еще не тронутые сединой волосы и подошла к портным. Хотя ей исполнилось сорок два года, на лбу не было ни единой морщинки. Уже шестнадцать лет она сама обеспечивала себя, но это не ожесточило женщину и не испортило красивого лица, которое прежде заставляло друзей брата соперничать за ее внимание.

Дина Далал спросила у портных, как их зовут и насколько они опытни в своем деле. Портные заверили ее, что знают все о женской одежде.

— Надо только снять мерки с клиентки, и тогда мы сошьем все, что угодно, — уверенно заявил Ишвар. Переговоры вел он, в то время как Омпракаш только кивал.

— Мерки снимать не придется, — сказала Дина Далал. — Шьем по выкройкам. Каждую неделю будете сдавать две или три дюжины изделий — как захочет компания — в одном стиле.

— Работа для детей, — сказал Ишвар. — Но мы согласны.

— А что ты на это скажешь? — обратилась Дина Далал к Омпракашу, который с явным пренебрежением следил за беседой. — Ты ни слова не проронил.

— Мой племянник открывает рот, только если не согласен, — сказал Ишвар. — Его молчание — добрый знак.

Дине Далал понравилось лицо Ишвара — такие люди располагают к себе, с ними легко вести беседу. Но племянник отпугивал — неразговорчивый парень. У него был слишком маленький подбородок, и лицо становилось пропорциональным, только когда он улыбался.

Она назвала свои условия: работа сдельная, и еще — нужно принести свои швейные машины. «Чем больше одежды сошьете, тем больше заработаете», — прибавила Дина Далал, и Ишвар согласился, что это справедливо. Расценки устанавливаются в зависимости от сложности фасона. Часы работы: с восьми утра до шести вечера — не меньше; дополнительные часы приветствуются. И никакого курения и жевания пана в рабочее время.

— Пан мы не жуем, — сказал Ишвар. — Но любим иногда покурить биди*.

— Тогда придется курить на улице.

Условие было принято.

— Где мы будем работать? — спросил Ишвар. — Куда нам нести швейные машины?

* Биди — распространенные в Индии тонкие азиатские сигареты, набитые необработанными листьями табака с примесью разных трав.